

Юлий Айхенвальд

Достоевский

Юлий Исаевич Айхенвальд
Достоевский
Серия «Силуэты русских
писателей», книга 25

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2594685

Аннотация

«Уже одно то, что Достоевский, пловец страшных человеческих глубин, провидец тьмы, рудокоп души, пережил психологию смертной казни, невероятный ужас ее ожидания, – одно это делает его существом inferнальным, как бы вышедшим из могилы и в саване блуждающим среди людей живых; а в России, на празднестве палачей, это придает ему еще трагическую современность и зажигает вокруг него особенно зловеющий ореол. Пусть казнь стала теперь явлением бытовым и частым до пошлости, это все-таки не сделало ее менее страшной...»

Юлий Исаевич Айхенвальд

Достоевский

Уже одно то, что Достоевский, пловец страшных человеческих глубин, провидец тьмы, рудокоп души, пережил психологию смертной казни, невероятный ужас ее ожидания, — одно это делает его существом inferнальным, как бы вышедшим из могилы и в саване блуждающим среди людей живых; а в России, на празднестве палачей, это придает ему еще трагическую современность и зажигает вокруг него особенно зловещий ореол. Пусть казнь стала теперь явлением бытовым и частым до пошлости, это все-таки не сделало ее менее страшной. И часто, когда приходит новая весть о ней, невольно вспоминаешь, какой роковой момент составляла она в его внутреннем мире и как неотступно возвращался он к ней в своих произведениях. Он не только в праведные уста князя Мышкина вложил эти волнующие речи о «судорогах», до которых доводят на эшафоте человеческую душу, о безмерном «надругательстве над нею» («нет, с человеком так нельзя поступать!»), — он, не боясь смешного, заставил и пьяного, плутоватого чиновника Лебедева молиться за упокой души графини Дюбарри (казалось бы, что ему эта Гекуба?) и из всячески далекой для Лебедева французской истории приблизил к его сознанию и совести ту сцену, когда подталкивают Дюбарри к ножу гильотины, а она, «на потеху

пуасардок парижских», кричит: *encore un moment, monsieur le bourreau, encore un moment!* «Что и означает: „минуточку одну еще повремените, господин буро, всего одну!“ И вот за эту-то минуточку ей, может, Господь и простит, ибо дальше этакого мизера с человеческой душой вообразить невозможно... От этого графининового крика об одной минуточке, я как прочитал, у меня точно сердце захватило щипцами».

И собственное сердце Достоевского было тоже защемлено этими щипцами людской муки, и нельзя будет его вполне понять, если мы забудем, что в самой жизни испытал он смерть и что это – единственный писатель, который творил после того, как он видел мир и слушал свою душу с высоты эшафота.

Под черным знаком Достоевского, в его стиле движется наше время, Достоевского имеет оно своим патроном, или своим живым эпиграфом, потому что безумные содрогания и трепет, какие здесь и там переживает теперь человеческое существо, – они-то и образуют стихию творца «Бесов». Как некий колдун проникновенный, наворожил он России революцию. Она ему к лицу, как он – к лицу революции. Именно ее, немолчную тревогу и смуту, душевный хаос, считает он нашей первичной природой. Человек с воспаленной душой, писатель катастроф, психолог метаний, он не рисует себе людей спокойными и благообразными, однажды навсегда устроенными: нет, глаза его раскрыты на роковую незаконченность, на постоянное беспокойство и волнение тоску-

ющего и крамольного духа. Человек для него вовеки неготов и неопределим; как и для Тютчева, мир для него не мирен: правду моря и сердца можно узнать только в бурю. Смута кажется ему обычным состоянием души; болезнь – это норма. Нельзя говорить, что герои его романов – натуры исключительные, патологические: сам он их такими не признает, сам он думает, что именно в этой исключительности – правило, что в этой недужной обостренности и возбужденности духа и состоит жизнь каждого нормального сердца, если только оно бьется не для того, чтобы механически отсчитывать пульс существования, не для того, чтобы служить мерным маятником бесчисленных дней и ночей. Достоевскому ненавистен буржуа, который готов, у которого «запасено готовых мыслей, как дров на зиму»; ему ненавистен и прототип Кармазинова – за то, что он слишком изящен и складен, похож на новеллу своих сочинений и внешне разрешает трудные проблемы жизни – например, от скорбей и от болей России уезжает из России. Автор «Преступления и наказания» сам ни от чего не уедет и мимо жизни не пройдет. Все коснется, болезненно коснется его души, и ничто не останется ему легко и непринужденно. Он не знает грации, и жизнь для него – тяжелая ноша. Он относится к ней слишком серьезно, он трудно живет. На нем, наследнике греха, больше, чем на всех других, почило исконное проклятие человечества: Достоевский не только в поте лица своего добывает себе хлеб – он зарабатывает себе и душу. И она ему да-

ется очень дорого. Поэтому в других он не переносит легкости. В нигилизме, например, его, величайшего отрицателя, возмущает не самое отрицание, а то, что оно лишено трагедии. Против выстрадавшего, против религиозного безбожия он не восстает, он даже поклоняется ему и воплощает его в героическую фигуру Кириллова; но нигилизм, который с легким сердцем, походя, разрушает и опустошает, который делает жизнь плавной и плоской, без препятствий и без глубины, – такое мировоззрение вызывает у него только злобу и насмешку. Сам Достоевский мог бы позволить себе «гимны подземные», мучительную роскошь неверия, потому что веру свою создавал он себе кровавым потом. Он не просил пощады, не хотел жизненного удобства, готовых тропинок и равнины; ему претил социализм, он не бежал страдания, и не было для него высшим благом все то, что облегчает дела и дни человечества. Его характерная ненависть к адвокатам (факт, почерпнутый из его глубокой публицистики, которую он всегда претворял в психологию и которая поэтому является у него *sub specie aeternitatis* – эта ненависть объясняется не только тем, что у них – «нанятая совесть», но и тем главное, что они мелки, что они – поверхностные защитники человеческой души и снимают с нее преступление, как шапку. В своей профессиональности они механизмируют человека и никогда не видят, в чем истинная преступность и правота. Можно себе представить, какую личную вражду должен был питать судорожный писатель, терзающийся проблемой пре-

ступления и наказания, к законченной, аккуратной, нарядной фигуре защитника по профессии. Далее, если он так часто, и в качестве публициста, и в качестве художника, выступает против присяжных заседателей с их оправдательными приговорами, то это тоже имеет своей причиной поверхностную легкость оправдания. Кто возьмет себе право, кто дерзнет сказать человеку, что он не виноват? Между тем это говорят, и оправданный спокойно подымается со своей скамьи подсудимых и уходит, разрывая круг круговой ответственности и поруки, не обращая внимания на то, что везде клочечат общая безмерная вина и всякий виноват во всем. И, с другой стороны, как глубоко, как мудро правы те заседатели-мужички из «Братьев Карамазовых», которые за себя постояли и вынесли Димитрию обвинительный приговор. Это ничего не значит, что фактически не он убил отца: достаточно, что он хотел его убить. Во всяком случае, невыносима для Достоевского та поспешность и легкомысленность, с которой оправдывают от века виноватую человеческую душу. И бесспорно, что на своей мистической и мрачной высоте он с проклятием отверг бы знаменитый гуманный афоризм Екатерины и, не задумываясь, предпочел бы десять невинных осудить, чем одного виновного оправдать: до такой степени был он проникнут сознанием человеческой вины. В то же время он, конечно, не принимал и суда, который тоже не идет за пределы факта и для его установления роется в чужой душе. Суд бесстыден, и следователь в своем выпытыва-

нии истины, мнимой истины, грубо вторгается в самые помыслы своей жертвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.